Похороны мыла: легенды и реальность Холокоста

Александра Сергеевна Архипова[1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Иосиф Зислин[1]

✉ josef@zislin.com

[1]Независимый исследователь

Для цитирования статьи:
Архипова, А. С., Зислин, И. (2019). Похороны мыла: легенды и реальность Холокоста. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 146–163.

В конце 1945 года еврейская община украинского города Черновцы потребовала от горкома и представителей других органов советской власти немедленно устроить похороны немецкого трофейного мыла. Причина, толкнувшая евреев практически на прямой протест, заключалась в слухах, которые через Румынию дошли до Черновцов. Еще в 1941–1942 году на фронте начала циркулировать информация, что нацисты наладили производство мыла из тел казненных евреев (реже — любых заключенных лагерей). Довольно быстро эта история становится хрестоматийным примером зверств нацистов, и в таком виде она была представлена на Нюрнбергском процессе в 1945 году. Только в 2000-е годы целый ряд историков вернулся к рассмотрению доказательств и свидетельств, предоставленных советской стороной на Нюрнбергском процессе, и признал их несостоятельными.
На самом деле перед нами городская легенда, уходящая своими корнями в пропагандистские фабрикаты Первой мировой войны. В статье мы обсудим, как эта легенда сформировалась, и зачем она была использована для обсуждения реальной катастрофы и реальных военных преступлений.

Ключевые слова: городская легенда, мыло из евреев, военные преступления, Холокост

Работа выполнена в рамках НИР «Фольклор/постфольклор в культурном пространстве города XX–XXI вв.: нарративные и поведенческие стратегии» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС. Выражаем горячую благодарность Беньямину Лукину и Анастасии Глазановой, сотрудникам Архива истории еврейского народа (Иерусалим), благодаря которым был найден документ, положенный в основу статьи, а также Валерию Дымшицу и Анне Кирзюк за замечания и наблюдения.

Burial of the soap: the legends and reality of the Holocaust

Alexandra S. Arkhipova[1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Joseph Zislin[1]

✉ josef@zislin.com

[1]Independent researcher

To cite this article:
Arkhipova, A., Zislin, J. (2019). Burial of the soap: the legends and reality of the Holocaust. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 146–163. (In Russian).

In the end of 1945 the Jewish community of the Ukrainian town of Chernovcy demanded from the city committee and other Soviet government officials to hold an immediate funeral of trophy German soap. The reason that almost led the Jews to a direct protest were the rumours that had reached Chernovcy via Romania. Information that the Nazis had launched the production of soap from bodies of executed Jews (less often — of any concentration camp prisoners) started circulating in the lines back in 1941–1942. This story rapidly became a textbook example of Nazi atrocities, and thus was presented as such the Nuremberg trial in 1945. Only in the 2000s a number of historians revisited the evidence and testaments presented at the Nuremberg trial by the Soviet side and deemed those insufficient.
What we really deal with here is an urban legend stemming from propaganda hoaxes of the WWI. In the paper we shall dwell upon how this legend was formed and why it was used for discussing an actual catastrophe and actual war crimes.

Keywords: urban legends, soap made from Jews, war crimes, Holocaust

Зимой 1945 года в украинском городе Черновцы, расположенном почти на границе с Румынией, случился переполох[1]. 1 декабря к первому секретарю Черновицкого горкома, то есть к фактическому правителю города, в большом возбуждении явился директор поликлиники Шрайдман, вручивший высокому чину два неожиданных предмета: кусок трофейного мыла, «якобы приобретенный в военторге», и обрывок румынской газеты, полученной от случайного знакомого, без даты (*Илл. 1–3*).

[1]ОГА СБУ. Ф. 16. Д. 559. 565-1946. Л. 241–248. Воспроизводится по копии Архива истории еврейского народа (Иерусалим).

The study was conducted as part of the research work "Folklore/post-folklore in the cultural space of the city in the 20th — 21st centuries: narrative and behavioral strategies" in the Laboratory of Theoretical Folklore Studies of the School of Actual Humanitarian Studies of the Institute of Social Sciences RANEPA. We express our most heartfelt gratitude to Benyamin Lukin and Anastasia Glazanova, archivists in the Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), thanks to whom the below mentioned document was found, and to Valery Dymshits and Anna Kirzyuk for their comments and observations.

Это загадочное происшествие повлекло за собой много других событий. Более того, его совершенно по-разному воспринимали органы советской власти и еврейская община. Чтобы понять причины паники и взаимных обвинений, нам постоянно придется смотреть на то, что произошло зимой 1945–1946 года, с обеих точек зрения.

Вся правда о трофейном мыле

Мыло, которое будет играть главную роль в нашем рассказе, в период войны было сверхценным предметом первой необходимости. Достать его — легальным или нелегальным путем — было почти невозможно [Фильцер 2018: 82]. И военные, и люди, оставшиеся в тылу, столько же думали, говорили и писали в дневниках о необходимости любым путем найти мыло, сколько о еде — во многом потому, что на тот момент мыло было единственным способом спастись от паразитов и защитить себя от болезней. Фразы типа «стоим в очередях за продуктами и мылом» (дневниковая запись за 29–31 июля 1941 года) [Дятлова 2001] поселились в дневниках военной эпохи надолго.

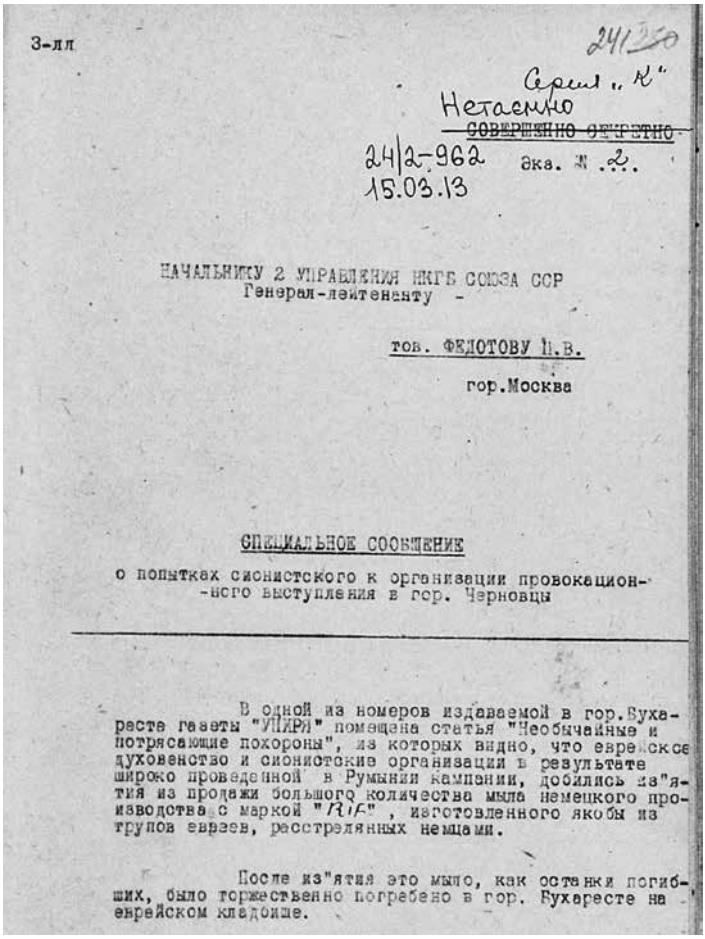
К концу войны в СССР стали появляться вещи, привезенные советскими военными с территории оккупированной Германии. Трофейное мыло немецкого (а значит — хорошего) качества ценилось очень высоко, тем более что трофейные вещи почти никогда не подлежали коммерческой продаже: их, как правило, распределяли или продавали, но по заведомо сниженной цене. В истории в Черновцах директор поликлиники Шрайдман размахивал куском трофейного мыла, «который он якобы приобрел в военторге». Мыло для тех мест было уже знакомым — в этот момент трофейный немецкий продукт марки RIF в изобилии лежал на военных складах.

Судя по тому, что эта фраза специально выделялась в спецсообщении, вскорости составленном НКГБ, чекисты были очень задеты обвинением именно в продаже трофейного мыла — таким образом получалось, что советское правительство получает коммерческую выгоду от распространения трофейных вещей. В спецдонесении подчеркивалось, что мыло RIF в продажу не поступало, его распространяли только по военным госпиталям.

Но гораздо большую тревогу карательных органов вызвали утверждения Шраймана о составе трофейного мыла. Восприняты они были довольно своеобразно, и результатом визита главврача к первому секретарю явилось спецсообщение «О попытках сионистов организовать провокационное выступление в гор. Черновцы от 9 марта 1946 марта». Именно из этого документа мы узнаем дальнейшее развитие событий.

Итак, явившись на прием в горком, Шрайдман стал, по выражению автора спецсообщения, «будировать вопрос»: от имени всех евреев города Черновцы он настойчиво просил секретаря горкома запретить продажу мыла RIF. Причина «будирования» заключалась именно в статье из румынской газеты[2], которая была предъявлена первому секретарю

[2] Здесь и далее фрагменты румынской статьи цитируются по переводу, приложенному сотрудниками НКГБ к спецсообщению. ОГА СБУ. Ф. 16. Д. 559. 565–1946. Л. 241–248.

3-дл

24/250

Серия "К"

Нетаемно

~~СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО~~

24/2-962 экз. № 2.

15.03.13

НАЧАЛЬНИКУ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СОЮЗА ССР
Генерал-лейтенанту -

тов. ФЕДОТОВУ П.В.

гор.Москва

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о попытках сионистского к организации провокацион-
-ного выступления в гор. Черновцы

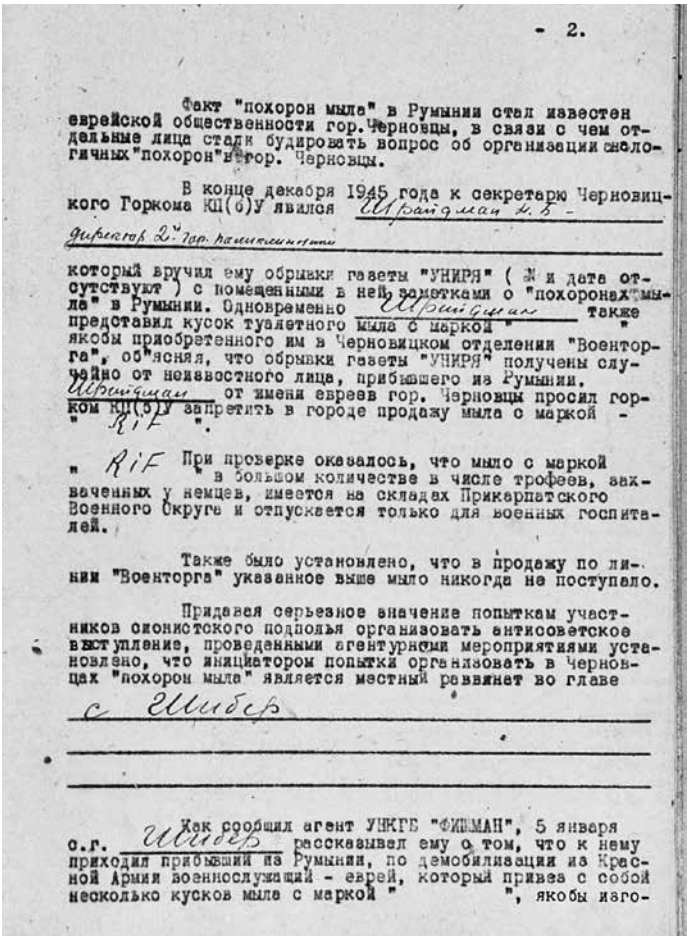
В одной из номеров издаваемой в гор.Бухаресте газеты "УНИРЯ" помещена статья "Необычайные и потрясающие похороны", из которых видно, что еврейское духовенство и сионистские организации в результате широко проведенной в Румынии кампании, добились из"ятия из продажи большого количества мыла немецкого производства с маркой "RIF" , изготовленного якобы из трупов евреев, расстрелянных немцами.

После из"ятия это мыло, как останки погибших, было торжественно погребено в гор. Бухаресте на еврейском кладбище.

Илл. 1. Лист 1

вместе с куском мыла. Дело в том, что в этой газете была опубликована большая статья румынского журналиста Мариуса Мирку, который подробно рассказывал, как нацисты делали мыло из трупов расстрелянных евреев (чекисты, встревоженные реакцией еврейского населения на эту статью, приложили не очень грамотный ее перевод к спецсообщению, отправленному в Киев).

В своей статье Мирку использовал несколько «свидетельств». Согласно одному из них, услышанному от бывшего румынского солдата вермахта Николая Лотича, мыло RIF делали только из евреев, и оно было очень хорошим, престижным и поставлялось только военным. Другое «свидетельство» в статье принадлежит некой румынской женщине по имени Петреску, которая до войны жила в Черновцах, а во время войны она со своими родителями репатриировались в город Аушвиц (из очень запутанного текста следует вроде бы, что ее отец был немцем). Там Петреску

- 2.

Факт "похорон мыла" в Румынии стал известен еврейской общественности гор. Черновцы, в связи с чем отдельные лица стали будировать вопрос об организации аналогичных "похорон" в гор. Черновцы.

В конце декабря 1945 года к секретарю Черновицкого Горкома КП(б)У явился Айзенман Н. Б. - директор 2-й гор. поликлиники

который вручил ему обрывки газеты "УНИЯ" (№ и дата отсутствуют) с помещенными в ней заметками о "похоронах мыла" в Румынии. Одновременно Айзенман также представил кусок туалетного мыла с маркой " " якобы приобретенного им в Черновицком отделении "Военторга", об"ясняя, что обрывки газеты "УНИЯ" получены случайно от неизвестного лица, прибывшего из Румынии. Айзенман от имени евреев гор. Черновцы просил горком КП(б)У запретить в городе продажу мыла с маркой - " RIF ".

" RIF " При проверке оказалось, что мыло с маркой в большом количестве в числе трофеев, захваченных у немцев, имеется на складах Прикарпатского Военного Округа и отпускается только для военных госпиталей.

Также было установлено, что в продажу по линии "Военторга" указанное выше мыло никогда не поступало.

Придавая серьезное значение попыткам участников сионистского подполья организовать антисоветское выступление, проведенными агентурными мероприятиями установлено, что инициатором попытки организовать в Черновцах "похорон мыла" является местный раввинат во главе с Шибер

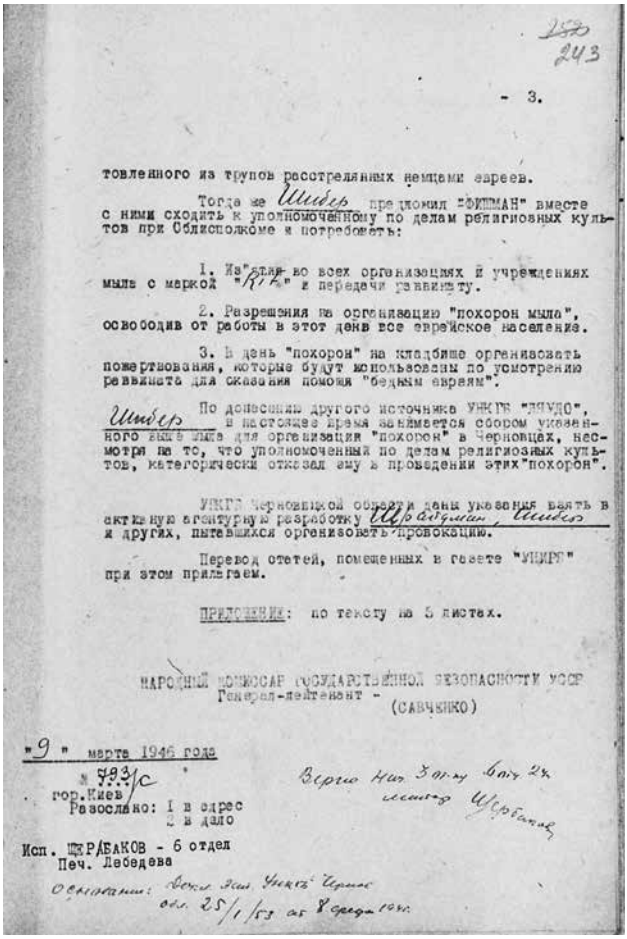
Как сообщил агент УНКГБ "ФИШМАН", 5 января с.г. Шибер рассказывал ему о том, что к нему приходил прибывший из Румынии, по демобилизации из Красной Армии военнослужащий - еврей, который привез с собой несколько кусков мыла с маркой " ", якобы изго-

Илл. 2. Лист 2

или ее мать была (якобы) свидетелем праздника, устроенного по случаю получения мыла из евреев. Причем такое мыло было высокостатусным, им торжественно помылись только самые «почтенные и видные лица города», причем в общественной бане:

> Все население [Аушвица] знало об этом [переработке евреев на мыло для армии] и было восхищено, но с другой стороны было обижено, что армия больше извлекает пользу от такого мыла, чем они. Когда принесли населению первую партию такого мыла, в городе объявили праздник. Ящики были получены торжественно на вокзале самим примарем [то есть мэром]. Были приготовлены списки самых добродетельных граждан. Им дали определенное количество мыла «с честью», после чего все почтенные и видные лица направились в общественную баню города, где торжественно объявили качество мыла, приготовленного из трупов евреев[3].

[3] ОГА СБУ. Ф. 16. Д. 559. 565-1946. Л. 248.

243

- 3.

товленного из трупов расстрелянных немцами евреев.

Тогда же Шибер предложил ФЕЙГМАН вместе с ними сходить к уполномоченному по делам религиозных культов при Облисполкоме и потребовать:

1. Изъять во всех организациях и учреждениях мыль с маркой "К.Ж." и передачи главвинету.

2. Разрешения на организацию "похорон мыла", освободив от работы в этот день все еврейское население.

3. В день "похорон" на кладбище организовать помертвования, которые будут использованы по усмотрению главвинета для оказания помощи "бедным евреям".

Шибер По донесениям другого источника УНКГБ "ДНЕПРО", в настоящее время занимается сбором указанного мыла для организации "похорон" в Черновцах, несмотря на то, что уполномоченный по делам религиозных культов, категорически отказал ему в проведении этих "похорон".

УНКГБ Черновицкой области дана указания взять в активную агентурную разработку Цфайман, Шибер и других, пытавшихся организовать провокацию.

Перевод статей, помещенных в газете "УНИРЕ" при этом прилагаем.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 5 листах.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-лейтенант -
(САВЧЕНКО)

"9" марта 1946 года
№ 773/с
гор.Киев
Разослано: 1 в адрес
2 в дело

Верно Нач. 3 отд. 6 отд. 2 к.
ст. лейт. Щербаков

Исп. ЩЕРБАКОВ - 6 отдел
Печ. Лебедева

Оригинал: Архив Упр. КГБ при Совете Министров УССР

Илл. 3. Лист 3

Согласно статье Мирку, изготовление мыла из людей и стремление пользоваться таким престижным продуктом было свойственно не только немцам. В июне 1941 года произошел страшный погром в румынском городе Яссы: там погибло около 8 тысяч евреев, а остальных вывезли на поезде в концентрационный лагерь, и большинство умерло прямо в вагонах. Этот исторический факт румынский журналист дополняет неизвестными чудовищными подробностями. Он рассказывает, как некие предприимчивые румыны решили поживиться и использовать кровь и жир умерших для изготовления мыла:

> Кровь евреев, которых вывозили в знаменитом поезде из Яссы, смешалась с жиром мертвых, создавая очень ценный слой. В городе Романе, где вагоны были очищены, нашли двух жителей, которые похитили несколько котлов с жиром, перемешанным с кровью. Будучи задержаны часовыми, они заявили, что будут изготовлять мыло, после чего были немедленно освобождены.

Далее Мирку рассказывает, что немецкое мыло марки RIF, сделанное из евреев, в конце войны широко распространилось в Румынии: им пользовались в парикмахерских и рабочие на фабриках. Сейчас, то есть в конце 1945 года, предпринимаются меры по его изъятию, а 15 ноября 1946 года еврейская община, собрав около 1500 кусков, устроила похороны мыла на еврейском кладбище Кишинева. Так заканчивается румынская статья.

Слухи о немецком мыле из евреев, подтвержденные, с точки зрения читателей, публикацией в румынской газете, сильно волновали жителей города Черновцы той зимой. Еврейская община продолжала просить выдать мыло RIF для захоронения. 5 января 1946 года к раввину Шиберу (который, по всей видимости, был главным раввином города) в гости пришел красноармеец, по происхождению румынский еврей. Он показал трофейное мыло и, видимо, пересказал слухи, подобные приведенным выше. При этом разговоре присутствовал еще один гость, который по совместительству являлся приставленным к раввину агентом НКГБ под оперативным псевдонимом Фишман. Рассказанная о мыле история произвела столь сильное впечатление на Шибера, что он немедленно отправился в Совет по делам религий, захватив с собой и сексота Фишмана (крайне недовольного этим фактом) в качестве свидетеля. Совет по делам религий появился в этой истории, потому что любые религиозные объединения города de facto подчинялись ему. Глава еврейской общины стал требовать, чтобы раввинату передали все трофейные экземпляры RIF, разрешили организовать «похороны мыла», а кроме того, в этот день освободили все еврейское население от работы и позволили собрать пожертвования на кладбище «для бедных евреев». Возмущение раввина будет понятнее, если знать, что, согласно еврейской религиозной традиции, никакая часть тела, включая кровь, не может оставаться не погребенной. Горком и Совет по делам религий, сначала несколько опешив от такого натиска, тем не менее категорически отказали в этой просьбе. Но, несмотря на этот запрет, Шибер, как сообщил другой внедренный агент (оперативный псевдоним Ляудо), продолжал собирать среди жителей города трофейное мыло для похорон.

События в Черновцах, разворачивающиеся на протяжении начала 1946 года, представляют собой весьма специфическую панику, ограниченную масштабом одного города. Автор румынской статьи, а вслед за ним и евреи города Черновцы не были одиноки в своих убеждениях. Военные слухи о мыле из евреев начали распространяться с того момента, как на территории Польши стали появляться концлагеря [Weber 1991]. За годы войны история про такое мыло стала общеизвестной, мало того — обвинение в его производстве звучало с советской стороны во время Нюрнбергского процесса. История казалась настолько правдоподобной, что в 1944–1947 годы в нескольких странах были проведены «похороны мыла» [Neander 2016: 23–40], подобные похоронам человека.

Тем не менее, несмотря на широкое распространение этого сюжета в течение последних 70 лет, информация о том, что нацисты массово перерабатывали трупы евреев на мыло, является всего лишь городской

легендой, хотя и очень влиятельной. О недостоверности этого убеждения писали многие историки[4] и даже химики. В 1990 году самый авторитетный институт исследований Холокоста — израильский Институт Яд Вашем в Иерусалиме — заявил, что массовая переработка еврейских заключенных на мыло никогда не имела места [Hutman 1990, May 5].

Но как и почему эта легенда оказалась такой распространенной?

Коммодификация своих мертвецов, или как погибшие герои стали полезным удобрением

Как наглядно показать, что враг — не такой, как мы, что он в буквальном смысле лишен всего человеческого? Мэри Дуглас [Дуглас 2000], а вслед за ней и целая плеяда когнитивных антропологов сказали бы: надо показать, будто враг нарушает категориальное деление вещей, объектов и понятий, существующих в нашем сознании. Для человека европейской цивилизации таким «рубиконом» оказывается даже намек на осквернение тел покойников. Неудивительно, что подобное обвинение стало отличным способом дегуманизировать врага во время Первой мировой войны, когда перед пропагандистами с обеих сторон стояла задача лишить врага ореола благородного противника, играющего по правилам. И совершенно неслучайно успешным способом сделать это стала история о том, что немецкие погибшие герои немедленно превращаются в удобрения, мыло и корм для скота. Перед нами сюжет не о собственно каннибализме, но о действиях, близких к нему: здесь тела своих же умерших превращаются в полезный продукт и товар. Такой процесс мы называем *коммодификация*.

Конечно, обвинение немецкого правительства в создании тайных фабрик по переработке тел собственных солдат на мыло, удобрения и другие полезные продукты, было сфабриковано. Только после войны, начиная с 1925 года, были проведены первые журналистские [Littlefield 1925, November 29] и научные [Ponsonby 1928: 17] расследования, доказавшие, что слух сфабрикован, а обвинение беспочвенно. Авторы расследований выдвинули три основные версии фабрикации этой истории.

Первая версия возникла в 1925 году из признаний бригадного генерала Чартериса, во время войны возглавлявшего британскую разведку. Согласно его рассказу, легенда о немецкой фабрике по переработке человеческих тел была частью блестящего плана по привлечению Китая на сторону Антанты в войне. В начале 1917 года Британская империя была озабочена вопросом о том, как заставить Китай (который до этого момента придерживался политики «и вашим, и нашим») вступить в войну на стороне Антанты. И тут в руки сотрудников из отдела армейской разведки попали два немецких трофейных снимка. На одном из них были сфотографированы тела немецких солдат, уложенные в штабеля, приготовленные для отправки куда-то, на второй — трупы лошадей, отправляемых на одну из фабрик для переработки туш на мыло. Небольшая творческая работа с фотографиями — и в газетах появилась

[4] Историю вопроса см.: [Weber 1991, Neander 2006].

история, подтвержденная шокирующим снимком, о том, что немцы перерабатывают тела своих погибших солдат на мыло и удобрения. Эта история была сделана такой специально, чтобы как можно сильнее шокировать китайцев, которые были известны своим щепетильным отношением к мертвым. Сфабрикованная фотография была послана в Китай, и китайская пресса с возмущением начала писать о том, что немцы оскверняют трупы погибших солдат. В марте 1917 года Китай разорвал отношения с Германией — чудовищное обращение немцев со своими мертвыми стало одним из аргументов для такого разрыва — а в августе вступил в войну на стороне противников Германии [Neander 2010: 67–68].

Где-то в апреле 1917 года история о тайной фабрике, где трупы солдат перерабатываются на мыло, вернулась на страницы английской, французской, бельгийской прессы и там продолжила циркулировать, обрастая массой фольклорных подробностей. Особенно любили ее газеты The Times и The Daily Mail: журналисты неделями смаковали подробности жуткого преступления [Neander 2013: 48–53].

Сторонники второй версии происхождения слуха считают, что Чартерис присвоил себе авторство фейка, который на самом деле был создан журналистами из The Times.

И наконец, есть и третье объяснение: этот слух вообще не имел отношения к хитрому плану втягивания Китая в войну, а явился результатом глупой лингвистической ошибки со стороны военного корреспондента [Littlefield 1925]. Тут необходимо сделать одно небольшое отступление и сказать, что еще в начале XX века, за десять лет до начала Первой мировой войны, Германия очень гордилась гигиеническим новшеством в деле утилизации трупов крупных домашних животных. Были созданы новые «фабрики по переработке мертвых тел» (*Kadaververwertungsanstalten*), куда доставляли павших животных для переработки по последнему слову техники и гигиены, и они, конечно, широко рекламировались [Neader 2013: 50–51]. Во время войны эти фабрики стали располагаться недалеко от фронта — для удобства. Через десять лет информация об этих фабриках сыграла ключевую роль в создании фейка. Дело в самом слове *Kadaver*. Конечно, это латинское слово *cadaver*, обозначающее мертвое тело вообще — в таком значении оно вошло в европейские языки, например, английский и французский. Однако в стандартном немецком начала XX века слово *Kadaver* обозначало только труп мертвого животного, скорее всего крупного или среднего размера. Соответственно, военные корреспонденты или журналисты, получив трофейную фотографию с надписью *Kadaververwertungsanstalten*, интерпретировали название как «фабрика по переработке *человеческих* тел» [Neander 2013: 53].

На самом деле, не столь важно, как эта история появилась, важнее понять, почему она так широко распространилась. Согласно расследованию историка Иохима Неандера, успешность фейка — или трагической лингвистической ошибки — была обусловлена целым набором пропагандистских стереотипов, которые постепенно формировались в течение войны и которые можно было бы передать фразой «эти гунны способны на любое варварство».

Во-первых, пресса Антанты начиная с 1914 года — с сражений на полях в Бельгии — постоянно говорила о варварском поведении немцев, в частности, газеты подробно описывали, как они сжигают трупы собственных солдат, сложив их штабелями высотой почти в шестиэтажный дом. Ходили рассказы о поездах, наполненных мертвецами, о крематориях, выстроенных около линии фронта, о сжигании трупов в захваченных литейных цехах. Пропаганда союзников показывала миру немцев как чудовищ, которые могут сжечь, свалив предварительно в кучу, своих павших героев, обращаться с мертвыми солдатами как с мусором, сжигать их среди мусора — так, словно им неведомы христианские и общечеловеческие ценности [Ibid: 59–62]. Немецкая пресса постоянно пыталась опровергать эти утверждения, но безуспешно.

Во-вторых, в 1915 году Германия, которая из-за британской морской блокады испытывала проблемы с мылом, изобрела новый способ получения глицерина (добавки в мыло) из спирта. Способ производства держался в секрете, но поскольку спустя некоторое время стало понятно, что немцы пользуются новым, каким-то странным мылом, этот факт стал восприниматься как доказательство того, что немцы не просто сжигают своих мертвых, но и перерабатывают их на мыло. В 1915 году в Лондоне начинают ходить такие слухи — доказательством их существования являются дневниковые записи. Чуть позже выходят комиксы, где «гунны» отправляют мертвых на переработку на мыло в прямом смысле слова. Даже самый известный медицинский журнал The Lancet публиковал расчеты, сколько можно сделать унций мыла из «одного гунна» [Ibid: 80].

И видимо где-то в этой точке, на рубеже 1916 и 1917 годов, как полагает Неандер, британские пропагандисты решают имплантировать уже существующие слухи о мыле из мертвых солдат на китайскую почву с той целью, что была описана выше. Другими словами, генерал Чартерис приписал себе то, что уже создали фольклор и медиа вместе.

И хотя во второй половине 1920-х годов эти слухи были полностью опровергнуты, они продолжали жить еще очень долго. История о коммодификации своих собственных мертвых кратко и убедительно демонстрировала, как враг преступает базовые человеческие законы не только по отношению к противнику, но и по отношению к своим павшим. Тем самым она демонизировала фигуру немца в Первой мировой.

Так совместными усилиями медиа, пропагандистов и фольклорной традиции сюжет о о враждебных социальных группах, которые способны переработать людей на мыло, широко распространился в Европе и в России в 1920-х и 1930-х годах. В начале 1920-х жители Петрограда обвиняли местных китайцев, что они крадут людей на мыло. Об этом случае в зарисовке из жизни питерской шпаны упоминает молодой писатель М. Стронин: «Батьку китайцы на мыло сварили» [Стронин 1925: 69].

Таким образом, к началу Второй мировой войны были созданы все условия, чтобы появился второй, очень близкий сюжет: «мыло, сделанное нацистами из евреев».

Коммодификация чужих мертвецов: как появляется мыло из евреев

Где-то между 1941 и 1942 годами, на территории Польши, там, где располагались основные «лагеря смерти» — Собибор, Аушвиц, Треблинка, Майданек — начинает формироваться история о коммодификации чужих мертвых — о массовой переработке тел умерщвленных евреев на мыло.

Выжившие узники концлагерей помнят издевательское обещание надзирателей «переработать человека на мыло»[5]. Речь в этой угрозе идет не просто об убийстве, но и об отказе видеть в заключенном человеческое существо. И, конечно, такие угрозы сами по себе могли основываться на слухах времен Первой мировой о фабриках по переработке человеческих тел. Однако примерно в то же время появляются свидетельства не только об угрозах, но и о «фактах», связанных с фабриками по переработке заключенных на мыло. Уже в 1941 году секретные отчеты американской разведки указывают (со ссылкой на местных жителей), что тайные фабрики по производству человеческого мыла появляются возле польского города Турека:

> Немцы привезли тысячи польских учителей, священников и евреев туда, и после экстракции кровяной сыворотки (видимо, речь идет об обескровливании, потому что никакой «экстракции сыворотки» так сделать нельзя — *А. А., И. З.*) из их тел, их бросают в большие котлы и вытапливают жир, чтобы сделать мыло [Weber 1991: 217].

Нацисты, согласно этой легенде, не только поступали с мертвыми телами максимально чудовищным образом — они делали так, что люди, не принимающие непосредственного участия ни в убийствах, ни в чудовищном «производстве», оказывались невольными соучастниками их преступлений. На эту тему возникали дополнительные сюжеты, которые, в частности, описывал и румынский журналист: «мыло из евреев» вручали в торжественной обстановке лучшим людям города, которые должны были использовать новый продукт гигиены в общественной бане и потом публично признать его высокое качество[6].

Настоящее немецкое мыло, на котором стояла аббревиатура RIF, было объявлено тем самым «мылом, сделанном из евреев». А аббревиатура RIF, которая в реальности расшифровывалась как «государственное управление для промышленной переработки жиров» (Reichsstelle für Industrielle Fettversorgung) получила вторую, «подлинную» расшифровку: Reines Juden Fett — «чистый еврейский жир». Сторонников этой теории не смущало даже, что Reines Juden Fett дает другое сокращение — RJF.

В 1942 году слухи становятся широко известными и пересекают океан, о чем пишет американская пресса. Более того: «мыло из евреев» становится знаком-индексом, отсылающим к ужасам Холокоста. В 1943 году известный советский общественный деятель, актер Соломон

[5] Показание бывшего британского военнопленного на Нюрнбергском процессе: [Weber 1991].

[6] Свидетельство Петреску из румынской газеты, цитированной выше.

Михоэлс едет в США собирать средства для Красной армии среди еврейской общины. В качестве доказательства того ужаса, который прямо сейчас происходит в Европе, он поднимает над головой кусок мыла и говорит: «Смотрите, вот наши братья».

В ноябре 1942 года высшие чины Рейха были крайне обеспокоены широкой циркуляцией таких слухов. Глава СС Генрих Гиммлер пишет Генриху Мюллеру, главе гестапо:

> Зная широкую географию еврейской эмиграции, я совершенно не удивлен, что такие слухи стали циркулировать в мире. Мы оба знаем, что имеет место возрастающая смертность среди евреев, принужденных к труду. Вы должны гарантировать мне, что в каждом месте тела умерших евреев либо сожжены, либо похоронены, и что абсолютно ничего не может случиться с телами. Начните расследование везде, где возникла ложь о любом недолжном обращении с телами [Neander 2004].

Действительно, с точки зрения нацистской мифологии сама идея изготовления моющего средства из евреев должна была выглядеть странной: ведь согласно этой мифологии, евреи — существа «грязные», и поэтому нацистская пропаганда для описания контактов еврейского и «арийского» населения постоянно использовала метафоры «загрязнения».

«Фабрика еврейского мыла» доктора Шпаннера

В середине апреля 1945 года советская армия берет город Данциг (сейчас это польский город Гданьск). Польские врачи Наткански и Быжковски инспектируют Анатомический институт Данцига, который изготавливал учебные пособия, используя внутренние органы казненных преступников. Они видят жуткую картину: везде разбросаны части тел со следами медицинских операций. Кроме того, они увидели там цистерны и белую массу, похожую на жир, про которую один бывший работник, поляк, сказал, что это «мыло, сделанное из людей». Оба врача устно доложили об этом властям, но никакого письменного отчета на Нюрнбергском процессе и нигде в других местах от их имени представлено не было. Только через три недели в начале мая этот институт снова изучила советско-польская комиссия и оставила отчет: в нем фигурирует два килограмма мыла, найденного в институте. Бывший сотрудник соседнего учреждения по своей воле сообщает, что в Анатомическом институте работал некий поляк, Зигмунт Мазур, который якобы участвовал в производстве мыла. Арестованный Мазур рассказывает, что в 1944 году доктор Рудольф Шпаннер, директор Анатомического института, проводил эксперименты с изготовлением мыла из животного жира с использованием человеческих ингредиентов. Мазур получил от Шпаннера рецепт этого особого мыла в феврале 1944 года, после чего сам его сварил, и он и его мать использовали его для мытья. В этот момент, в мае — июле 1945 года, в газетах — сначала в польской, а потом и в англоязычной The Soviet News — появляется несколько отчетов об ужасных находках, включая и обвинение нацистов в производстве мыла из людей.

В таком виде эти свидетельства вошли в историю, хотя постепенно у исследователей накапливались возражения по поводу их достоверности. Так, например, в 1990 году исследователи Мемориального института Холокоста в Вашингтоне показали, что рецепт Шпаннера, предъявленный Мазуром, вообще не содержит указания на человеческий жир, а также опасен для человеческой кожи [Neander 2006: 69]. Кроме того, этот рецепт приготовления мыла крайне примитивен — так его изготавливали еще в XVII веке. Совершенно непонятно, зачем немцам в середине XX века было готовить мыло по такой старой технологии.

С этого момента и до сего дня вокруг Анатомического института кипят страсти: то в кусках мыла находят человеческий жир в незначительных количествах, то всплывают доказательства, что свидетельство Мазура было подготовлено польскими спецслужбами.

В 2006 году историк Иоахим Неандер решает поставить точку в этой дискуссии и снова подробно разбирает свидетельства «за» и «против» вокруг «фабрики мыла доктора Станнера».

Во-первых, он убедительно показывает, что найденные в Анатомическом институте части тел и цистерны с «белой массой» свидетельствуют о том, что Шпаннер очищал человеческие кости в процессе производства пособий для обучения хирургов, а также делал «муляжи» из настоящих человеческих органов, наполненных специальными смесями, в которые он добавлял и человеческий жир [Ibid: 76]. Надо сказать, что Шпаннер не был признан военным преступником: его два раза задерживали для допроса в 1946 году в Германии американские власти, и оба раза отпускали, получив от него это объяснение. Причем среди тел казненных, которые ему привозили, не было трупов из концлагерей: Шпаннеру не нужны были тела дистрофиков без нормальной мышечной массы.

Во-вторых, Неандер пересмотрел показания трех свидетелей: двух военнопленных, которые давали их на Нюрнбергском процессе, и поляка Мазура, который три раза дал показания советской прокуратуре в тюрьме Данцига. Это свидетельство Мазура через несколько месяцев будет предъявлено советской стороной во время Нюрнбергского трибунала, а сам Мазур умрет от тифа в тюрьме, не дожив до него. Все трое выполняли только подсобную работу по доставке и разделке тел, смысл которой они плохо понимали. Но самое главное — все они давали показания несколько раз. И с каждым новым рассказом свидетели все решительнее склонялись к версии про изготовление мыла из людей [Ibid: 74]. Если сначала Мазур вообще ничего не сказал про «мыло из евреев», то во второй раз признался, что фабрика делала именно его, а на третий — предъявил рецепт мыла, который ему якобы дал Шпаннер, и само мыло. Тут возникает много вопросов — например, почему не задержали и даже не расспросили его мать, которая, по его словам, тоже пользовалось этим мылом? Почему рецепт мыла был таким устаревшим и описывал технологию XVII века, которой уже давно не пользовались? Почему Мазур признался во всем этом только на третьем допросе?

Иоахим Неандер склоняется к объяснению, что «мыло Мазура» (которое фигурировало на Нюрнбергском процессе под номером 196) является

подделкой, изготовленной советской или польской стороной, причем людьми, не очень сведущими в химии даже на школьном уровне. Видимо, поляк Мазур, работавший на немцев во время войны, понимал, что его песенка спета, и просто пытался купить себе жизнь, изо всех сил стараясь быть ценным источником информации. Неандер приводит три основных аргумента:

— во-первых, странен сам рецепт, предлагающий устаревшую технологию, которой немцы уже давно не пользовались при изготовлении мыла;

— во-вторых, подробные показания Мазура об изготовлении мыла не соответствуют этому рецепту;

— в-третьих, в «мыле Мазура», если его приготовить по представленному рецепту, будет переизбыток ненейтрализованного гидроксида натрия, и мыться им будет невозможно (и, кстати, это ставит под вопрос утверждение Мазура, будто он сам мылся этим мылом).

Но есть и еще один аргумент, который не учитывает Неандер. Как показывает психолог Элизабет Лофтус, очевидцы самых разных преступлений нередко дают ложные свидетельские показания, даже искренне пытаясь помочь следствию и не имея намерений что-то утаить или исказить. Дело здесь не только в том, что мы в состоянии запомнить гораздо меньше информации, чем нам кажется, но и в том, что тактика ведения допроса, а также освещение преступления в СМИ могут сформировать у очевидца ложные воспоминания о событии [Лофтус, Кетчем 2018]. В итоге свидетель начинает «помнить» о преступлении именно так, как о нем говорят в СМИ, и «вспоминает» именно такие детали, которые хотят услышать следователи, судьи и присяжные. А в нашем случае следователи и прокуроры советско-польской стороны уже очень хорошо знали сюжет о мыле из евреев — поскольку они о нем целенаправленно расспрашивали с самого начала. Видимо, поэтому Мазур в своих показаниях и подтвердил факт изготовления мыла и таким образом оговорил себя. Он начал постепенно «вспоминать» о нем, потому что именно это хотели от него услышать все вокруг.

Таким образом, легенда могла оформиться в своем окончательном виде в процессе дачи показаний на допросах.

В результате всего этого обвинение в изготовлении мыла прозвучало на Нюрнбергском процессе с советской стороны, однако не произвело такого эффекта, который был задуман. Мазур умер, Шпаннера к ответственности не привлекли, а делали ли мыло в Анатомическом институте, осталось непонятным. Но легенда продолжала жить и привела к распространению такой практики, как похороны мыла.

Почему советская власть не разрешила хоронить мыло в 1946 году?

В конце войны люди, выжившие в концлагерях, стали возвращаться домой, а кто-то уехал в Палестину, Швецию и США. Информация об уничтожении миллионов евреев стала постепенно распространяться — в

рассказах выживших и свидетелей. Во многих странах уцелевшие евреи начали проводить похороны мыла. Этот странный ритуал стал символической заменой реальных похорон, которые уже нельзя было провести. Попытки предать земле частички тел тех, кто, по мнению многих, послужил материалом для изготовления мыла, были в Софии, потом в Кишиневе и Бухаресте и в некоторых других городах Восточной Европы. В ноябре 1946 года Главный ашкеназский раввин подмандатной Палестины Ицхак-Леви Герцог требовал от ООН доставить в Палестину все экземпляры мыла RIF, которое раздавали в лагерях еврейских беженцев — для последующего захоронения [German Soap 1946, November 26: 5]. В 1947 году похороны мыла прошли в Бразилии [Neander 2016: 23–40]. Кроме больших похоронных акций, под влиянием слухов о мыле, сделанном из людей, в послевоенные годы постоянно происходили маленькие частные захоронения. Власти перечисленных стран особых препятствий похоронам мыла не чинили, кроме одного исключения — в СССР.

И здесь мы снова должны вернуться к истории в Черновцах. Возможно, читателям этих строк не очень понятно, что означали в 1945–1946 годы публичные выступления раввина Шибера и директора поликлиники Шрайдмана, их конфронтация с могущественными представителями советской власти и стремление похоронить мыло, несмотря на прямой запрет делать это. Органы надзора немедленно охарактеризовали эту историю не больше и не меньше как «попытку сионистского подполья организовать антисоветское выступление», и документальная история черновцовских «похорон мыла» обрывается на сообщении о том, что «будировавшие вопрос» Шрайдман и Шибер «взяты в дальнейшую разработку». В конце 1940-х годов это означало, что ничего хорошего в будущем их не ожидает. Как минимум пристальное наблюдение надзорных органов, и с большой вероятностью — обвинение по статье 58-10 («антисоветская агитация и пропаганда»), арест и большой лагерный срок.

Почему попытка провести такой ритуал в СССР наткнулась на яростное сопротивление советской власти? Дело, видимо, в том, что такой публичный акт поминовения — это не только и не столько похороны частицы человеческого тела, но и политическое высказывание: оно напоминает окружающим о чудовищном акте насилия и о его бесчисленных и часто безымянных жертвах [Santino 2006].

Что характерно, когда в городе Черновцы горком, НКГБ и Совет по делам религий не давали разрешения на захоронение мыла и вообще совершенно спокойно отнеслись к тому, что советское население пользуется немецким мылом с подобной «репутацией», советская сторона Нюрнбергского трибунала в лице прокурора Руденко настаивала на том, что производство мыла из евреев имело место. Возможно, дело в том, что советская власть всячески старалась не выделять евреев среди прочих жертв войны. Согласно официальной точке зрения, евреи пострадали от фашизма не больше, чем другие народы Советского Союза. В своем стремлении не замечать Холокост советская власть была тверда и последовательна. Борьба с нежелательной памятью о геноциде евреев шла с послевоенных лет и всю советскую эпоху [Zeltser 2018].

Во время войны писатели Илья Эренбург и Василий Гроссман начинают собирать материал для «Черной книги» — это сборник свидетельств самого разного толка о геноциде евреев во время войны. Ровно в тот момент, когда Шибер и Шрайдман пытаются уговорить Совет по делам религий и горком в Черновцах позволить им похоронить мыло, содержание «Черной книги» активно обсуждают в Еврейском антифашистском комитете и на самом высоком партийном уровне. Литературные чиновники недовольны тем, что в ней много говорится о советских гражданах, сотрудничающих с нацистами и участвующих в убийстве евреев. Но особенно высокопоставленным читателям «Черной книги» не нравится то, что евреи якобы показаны там единственными настоящими жертвами войны. Несколько месяцев спустя заведующий управлением пропаганды ЦК Георгий Александров пишет докладную члену Политбюро Андрею Жданову с просьбой не допустить издание этой книги:

> Однако чтение этой книги, особенно ее первого раздела, касающегося Украины, создает ложное представление об истинном характере фашизма и его организаций. Красной нитью по всей книге проводится мысль, что немцы грабили и уничтожали только евреев. У читателя невольно создается впечатление, что немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев. По отношению же к русским, украинцам, белорусам, литовцам, латышам и другим национальностям Советского Союза немцы якобы относились снисходительно[7].

В результате книга никогда не была издана в СССР, но зато в том же 1946 году она была переведена и опубликована в США и в некоторых других странах.

Возможно, желание похоронить мыло в Черновцах было расценено как «антисоветское выступление» именно потому, что за этим стояло твердое убеждение в том, что такая группа, как «евреи», не достойна высокого статуса «главных жертв» войны. И только верховная власть может решать, как использовать информацию о геноциде — для внешнего или только для внутреннего употребления. Низовая инициатива, не получившая одобрения сверху, в такой ситуации всегда расценивается как серьезная политическая крамола.

Почему мыло из евреев стало символом нацистских преступлений

Казалось бы, ответ на этот вопрос очень прост. Мыло, сделанное из евреев, стало наглядным доказательством чудовищности нацистских преступлений. Можно показать аудитории мыло со словами «Это наши братья» (именно так сделал председатель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс), и ей без лишних слов будет понятен масштаб злодеяний, совершенных нацистами. Но тут возникает уже другой вопрос: реальные преступления нацистов были не менее чудовищными, чем изготовление мыла

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 438. Л. 216–218.

из евреев. Газовые камеры и массовые расстрелы были абсолютно реальны, равно как и медицинские эксперименты доктора Менгеле над узниками концлагерей. Зачем же тогда понадобилась вымышленная история, если реальные истории были не менее ужасающими и масштабными?

Мы предполагаем, что она оказалась такой живучей благодаря своей способности в «сжатом» виде передавать два значимых месседжа.

Во-первых, история о «мыле из евреев» стала отражением довольно типичного страха военного и послевоенного периода — стать не только жертвой, но и невольным соучастником преступлений, исполнителем чудовищного замысла палачей. Об этом же страхе говорили слухи, появившиеся во время и после войны в нескольких советских городах — о подпольных цехах, где из людей делают мясные полуфабрикаты. Не случайно слухи, жившие в послевоенном Тарту, утверждали, что на подпольной «колбасной фабрике» из людей делают не только колбасу, но и мыло [Kalmre 2013]. Ведь пользуясь мылом, которое может быть сделанным из тел убитых людей (так же как и покупая колбасу), жители послевоенного города рисковали нарушить одно из базовых культурных табу, практически стать каннибалами. Эта легенда говорила: оказавшись в глобальной мясорубке, невозможно стоять в стороне, избежать роли жертвы или убийцы — ты так или иначе станешь или тем, или другим.

Во-вторых, существенно, что именно *мыло* стало прототипическим изображением жертв, а не абажуры или перчатки из человеческой кожи, которые также, согласно слухам, массово изготовлялись в лагерях уничтожения. Мыло — это предмет гигиены, которым мы очень хотим обладать, особенно в условиях военного и послевоенного дефицита. Мыло ежедневно контактирует с нашим телом, в отличие от перчаток или абажуров. Однако вместо того, чтобы делать нас чистыми, оно нас символически загрязняет, превращая в пособников убийц (помните легенды о том, как таким мылом с воодушевлением мылись жители города Аушвица, жившие возле лагеря смерти?). Поэтому именно история о «мыле из евреев» становится способом выразить весь ужас нарушения базовых культурных норм, через который во время войны вынуждены были пройти многие.

Литература

Дятлова, Н. (2001). *В тот год мне было двадцать лет... Студенческий блокадный дневник*. Иркутск.

Лофтус, Э., Кетчем, К. (2018). *Свидетель защиты: шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний*. М.: Колибри.

Стронин, М. (1925). Васка. В С. Семенов (Отв. ред.). *Ковш: литературно-художественные альманахи*. *Кн. 2,* 68-90. Л.: ГИЗ.

Фильцер, Д. (2018). *Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма*. М.: Росспэн.

German Soap Made from Bodies of Jews Distributed to Jewish Inmates of UNRRA Camps. (1946, November 26). *Jewish Telegraphic Agency*, 5.

Hutman, B. (1990, May 5). Nazis never made human-fat soap. *The Jerusalem Post. International Edition*.

Kalmre, E. (2013). *The human sausage factory: A study of post-war rumour in Tartu*. Amsterdam: Rodopi.

Littlefield, W. (1925, November 29). How "Corpse factory" story started. *The New York Times*.

Neander, J. (2004). "*Seife aus Judenfett" – Zur Wirkungsgeschichte einer urban legend: Vortrag auf der 28. Konferenz der German Studies Association, Washington D.C.* Retrieved from http://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/dachau/legends/NeanderSoap049.htm (In German).

Neander, J. (2006). The Danzig soap case: Facts and legends around "Professor Spanner" and the Danzig Anatomic Institute 1944–1945. *German Studies Review, 29*(1), 63–86.

Neander, J., Marlin, R. (2010). Media and propaganda: The Northcliffe press and the corpse factory story of World War I. *Global Media Journal, 3*(2), 67–82.

Neander, J. (2013). *The German corpse factory: The master hoax of British propaganda in the First World War*. Saarbrücken: Saarland University Press.

Neander, J. (2016). "Symbolically burying the six million": post-war soap burial in Romania, Bulgaria and Brazil. *Human Remains and Violence, 2*(1), 23–40.

Santino, J. (2006). Performative commemoratives: spontaneous shrines and the public memorialization of death. In J. Santino (Ed.). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, 5–15. New York: Palgrave Macmillan.

Weber, M. (1991). 'The Jewish soap'. *The Journal of Historical Review, 11*(2), 217–227.

References

Dyatlova, N. (2001). *I was twenty that year... Blocade diary of a student.* Irkutsk. (In Russian).

Filtser, D. (2018). *Dangers of urban life in the USSR in the late Stalinist era.* Moscow: Rosspen. (In Russian).

German Soap Made from Bodies of Jews Distributed to Jewish Inmates of UNRRA Camps. (1946, November 26). *Jewish Telegraphic Agency*, 5.

Hutman, B. (1990, May 5). Nazis never made human-fat soap. *The Jerusalem Post. International Edition*.

Kalmre, E. (2013). *The human sausage factory: A study of post-war rumour in Tartu*. Amsterdam: Rodopi.

Littlefield, W. (1925, November 29). How "Corpse factory" story started. *The New York Times*.

Loftus, E., Ketcham, K. (2018). *Witness for the defense: The mind-blowing evidence of vulnerability of our memories*. Moscow: Colibri. (In Russian).

Neander, J. (2004). "*Seife aus Judenfett" – Zur Wirkungsgeschichte einer urban legend: Vortrag auf der 28. Konferenz der German Studies Association, Washington D.C.* Retrieved from http://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/dachau/legends/NeanderSoap049.htm (In German).

Neander, J. (2006). The Danzig soap case: Facts and legends around "Professor Spanner" and the Danzig Anatomic Institute 1944–1945. *German Studies Review, 29*(1), 63–86.

Neander, J. (2013). *The German corpse factory: The master hoax of British propaganda in the First World War*. Saarbrücken: Saarland University Press.

Neander, J. (2016). "Symbolically burying the six million": Post-war soap burial in Romania, Bulgaria and Brazil. *Human Remains and Violence, 2*(1), 23–40.

Neander, J., Marlin, R. (2010). Media and propaganda: The Northcliffe press and the corpse factory story of World War I. *Global Media Journal, 3*(2), 67–82.

Santino, J. (2006). Performative commemoratives: spontaneous shrines and the public memorialization of death. In J. Santino (Ed.). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, 5–15. New York: Palgrave Macmillan.

Stronin, M. (1925). Vaska. In S. Semenov (Ed.). *The Dipper: Literary almanachs, 2*, 68–90. Leningrad: GIZ. (In Russian).

Weber, M. (1991). 'The Jewish soap'. *The Journal of Historical Review, 11*(2), 217–227.